

Д. Заславский. Гоголь.

(К столетиям со дня рождения).

В 1834—1836 гг. написал «Ревизор», в 1836—1841 гг. — «Мертвые души». Вторая половина тридцатых годов предстает, таким образом, вершиной творчества Гоголя. Столетию со дня рождения совпадает со столетием начала этого периода, важнейшего в жизни Гоголя, потому что только Гоголь «Ревизора» и «Мертвых душ» донос до нашего времени в полной сохранности все свои изумительные краски. Потускнели и поблекли ранние, «малороссийские» повести, романтическая фальшь не выдержала напора неумолимого времени, и только реалистическая сатира в них, предвестие будущих великих творений, сверкает попрежнему, радуя, радуя, заставляя смеяться и советского читателя.

В Западной Европе тридцатые годы прошлого века — это начало нового революционного подъема после длительного периода политической реакции. Буржуазные революции пытаются сделать свое дело, оборванное войнами, но первые выступления пролетариата вносят критический пересмотр прежних программ. Формула «свободы, равенства и братства» разоблачена. Классовые противоречия дают знать о себе в литературе и философии острой постановкой социального вопроса.

В утопическом социализме этого времени Маркс как положительную его сторону отмечает беспощадную критику существующего социального порядка. Она не досит сама по себе революционного характера. Напротив, представляя утопический социализм настроены очень мирно, ищут мирных средств для решения социальной проблемы и даже проявляют склонность к консерватизму. Но в условиях революционного подъема критика утопического социализма задает на ближайшую почву. Она служит задачей революции.

Братской пропаганды художественная литература этого периода. Бальзак убежден в том, что он враг всякого революционного движения. Но его реализм беспощадно разоблачает существующий порядок.

Писав своих романов Бальзак дал название «Человеческой комедии». В этом же смысле случайного, Маркс объяснил, почему «человек должен был стать пре-

обладающим жанром критической литературы этого периода. В ранней своей работе «К критике гегелевской философии права» Маркс писал о современной критике общественных отношений: «Критика, перед которой поставлена такая задача, есть критика врукопашную, а в рукопашном бою важно не то, благогодеи ли противник, равного ли происхождения, интерес ли он: важно нанести ему удар... Надо заставить плясать эти окаменелые порядки, напевая

Их собственные мелодии! Надо, чтобы народ испугался самого себя, чтобы вызвать в нем отвращение. (Сочинения, I, 403).

Отсюда огромное значение комедии, разоблачающего смеха. Маркс писал: «История действует основательно и продвигает через множество фазисов, когда несет в мотыгу старую форму жизни. Последней фазисе всемирно-исторической формы есть ее комедия... Зачем так движется история? Затем, чтобы человечество смеялся рассматривало со своим прошлым. Этого веселого исторического познания мы требуем для политических властей Германии». (403).

Эти слова Маркса относятся, конечно,

не только к реакционной Германии. Парская Россия была наглухо отгорожена в это время от всех политических и литературных движений в Западной Европе. Жандармы Николая Первого, однако, были бессильны против неумолимой критики крепостнического феодализма нарастающими буржуазными отношениями. Русский феодализм гнил на корню. С новыми отношениями, разлагающими старый быт, прорисовались и новые взгляды. С политической контрбанкой третье отделение кое-как сплывало, в литературной оно не могло разоблачиться по крайнему невежеству своему. К тому же критика, облаченная в формы художественного произведения, носила внешне подчас вполне благонамеренный вид. Невежество жанрармов спасло для нас Пушкина и Белинского. Оно спасло и Гоголя.

Жандармы Николая Первого ничего не поняли с первого раза в «Ревизоре» и в «Мертвых душах». Сам Николай Первый от души смеялся на первом представлении «Ревизора», и Герцен приводит этот факт как неопровержимое свидетельство тупоумия царя. Шеф жандармов Бенкендорф даже не знал, кому принадлежит «Мертвые души». — думал, что Сологубу. Но помещичья реакционная критика обнаруживала более тонкое классовое чутье. Она дружным хором напала на Гоголя, и это крайне поразило самого писателя, который даже был от всякого политического радикализма. Он писал Погодину о «жалком состоянии» (в каком) находится у нас писатель. Все против него: «Он закигал! Он бунтовник!» И кто же говорит? Это говорят мне люди государственные...

Конечно, Гоголь несколько не похож был на закигал и бунтовника, хотя его политическую благонамеренность этого периода до крайности преувеличила потом либерально-буржуазная критика. Лукавство было отличительной чертой облика Гоголя, — он в своем политическом целомудрии немного лукавил. Он придавал огромное значение своему смеху, смотрел на самого себя как на пророка, учителя, который призван кощунской переставкой свою страну и людей. Он был утопистом своего времени, со всеми характерными для утописта чер-

тами. Но, конечно, всего меньше он помышлял о революционных путях переделки общества.

А между тем смех его действовал революционно. Картина общества Чичиковых, Собакевичей, Мавяловых, Плюшкиных, Держиморд и Сквозник-Дмухановских действовала на современников сильнее, чем критика общественного порядка в прозаических утопических социализма, в романах Жюль-Занл, Бальзака, в мелкобуржуазных «социалистических» памфлетах Прудона. Достоевский говорил впоследствии о «дьявольской силе» смеха Гоголя. Он не отделял влияния этого смеха от влияния утопического социализма, которое тоже представлялось ему дьявольским наводнением.

Гоголь заставил плясать окаменелые порядки крепостнического общества. Герои «Мертвых душ» и «Ревизора» — это помещики, чиновники. На этом основании либерально-буржуазная критика пыталась ограничить действие гоголевского смеха — предельми феодально-крепостнической эпохи. Если бы это было действительно так, Гоголь не представлял бы жизненного интереса для русского буржуазного, а уж тем более для нашего времени. Обличение порядков и людей крепостного права, как бы оно ни было сильно, — это только история. Если, по словам Маркса, последний фазис всемирно-исторической формы есть ее комедия, то комедией какой всемирно-исторической формы являются «Мертвые души»?

Ключ к своей гениальной комедийной логике дал сам Гоголь. Кто он такой, Чичиков? — спрашивал Гоголь, Подлеп? «Почему же подлеп? Зачем же быть так строго к другим?.. Справедливее всего назвать его хозяин, приобретатель. Приобретение — вина всего: из-за него прозвездил дела, которым свет дает название не очень чистых...»

Эти как бы вскользь брошенные слова замечательны. Вспомним, что в 1840 г. то есть за год до окончания «Мертвых душ», вышел в свет памфлет Прудона «Что такое собственность», с формулой: «Собственность — это кража». Был знаком Гоголь с Прудоном или не был знаком, — это вопрос, который представляет интерес для специалистов-исследователей. Но не подлежит сомнению, что обличенная в художественную форму критика Гоголя была близка к мелкобуржуазной критике утопического социализма.

Во второй части «Мертвых душ» (в теплых отрывках) молодой «образованный» буштик говорит своему при-

казнику: «Малый! Подай сукно сверху... Да не то, братец! Что ты вечно свыше своей сферы, точно пролетарий какой!» Этот же кучуль, называющий себя «неопиантом», говорит о «папуризме» (пауперизме). Конечно, во второй части — это насмешка, и Гоголь говорит о пауперизме и о пролетарии, который «свыше своей сферы», с иронией. Но в период первой части «Мертвых душ» Гоголь по всем этим словам и поветиям, выносимым из знакомства с литературой утопического социализма, должен был относиться совсем не иронически, хотя он и не упоминал о них.

Не только Чичиков, но и все прочие герои «Мертвых душ» — это прежде всего приобретатели, частные собственники, жалкие наживы. Не только мертвое царство крепостнических отношений, но и все живое общество буржуазной наживы подвергается осмеянию в «Мертвых душах». Гоголь разоблачает рыцарей наживы в тех исторических одеждах, в которых они выступали, но не феодально-крепостническую (это как раз, всего меньше), а буржуазную сторону вскрывал он в этих рыцарях присвоения. И это значило, что Чичиковы, Собакевичи, Коробочки принадлежат не только крепостному праву, что переживут они крепостное право, что неизбежны они во всяком обществе, построенном на «приобретении», потому что приобретение в этом смысле, частная собственность — вина всего.

Это превосходно сознавал и сам Гоголь. Отсюда и его безмерный страх перед тем, что натворил он в русской литературе. Первая часть «Мертвых душ» была задумана лишь как ретцеление к общирному морально-поучительному роману с положительными героями. Это был социальный заказ господствующего класса, с которым Гоголь и не собирался «порываться». И все усилие свои Гоголь направил именно на то, чтобы стереть, выгладить вот это положение свое о приобретательстве. Спасителями общества во второй части выступают именно приобретатели: откупщик Мурашов, кулак-помещик Костанжогло, «Миллионнику нечего прибегать к кривым путям», — вот тезис второй части «Мертвых душ», определение и апофеоз буржуазии.

Вторая часть «Мертвых душ» не могла быть написана, — совсем не потому, что у Гоголя не было убежденности в этой новой своей правоте, не потому, что поддвигивал на него суровый приговор Белинского. Реализм первой части, реализм «Ревизора» не был только формальным приемом. Никогда еще формализм не был так бит, как на драмати-

ческом примере самого Гоголя. Реализм был формой критики общественных порядков под углом отрицания их. Нельзя было реалистически написать хвалу героям приобретения. Не было в буржуазных отношениях таких положительных героев, были только новые Чичиковы, новые Собакевичи. Реалистическое перо Гоголя отказывалось служить ему, и все свое реакционное падение, все ханжество и лицемерие последних лет своей жизни, свою печальную «Перепишку с друзьями» Гоголь искупил честной казнью над самим собой. Из всех костров, на которых сжигались в истории человечества литературные труды, только один оправдан: костер, на котором Гоголь сжег вторую часть «Мертвых душ». Реализм не выносит лжи.

Борьба вокруг Гоголя не прекратилась в течение всего столетия. Чернышевский сделал Гоголя знаменем «отрицательного» направления в русской литературе. Это было цензурное слово для цензурной по своей сути программы революционной, разночинной демократии. Нападать на Гоголя так, как это делали в 40-х годах Полесов, Сенковский и другие представители реакционно-помещичьей литературы, в последующие десятилетия было невозможно. Художественный авторитет Гоголя укрепился слишком глубоко.

Но у дворянской, а позже и у буржуазной, критики оставался холодок в отношении к Гоголю. Эта критика скорбно вздыхала по сожженной второй части. Она пыталась обезвредить смех Гоголя, относил его к такой всемирно-исторической формации, которая уже отошла в прошлое. Но только после 1905 г., когда революционные выступления рабочего класса сорвали маски с русской буржуазии, прорвалась среди других искренних чувств разоблаченного капитализма и искренняя ненависть к Гоголю. В литературе это выразилось в походе против реализма, в защите символизма и мистики. Борьба против реализма — это была неизбежно и борьба против Гоголя. Русский новейший, открытый реакционный идеализм и выступил на сцену с ревизией установившейся оценки Гоголя. Известный критик Волынский писал с восторгом о «Перепишке с друзьями» как об источнике замечательной религиозной мудрости. Но Волынский еще старался соблазнить некоторые прилипы.

То, чего не договаривала идеалистическая буржуазная критика, сказал полнотой нововременский философ, любитель либеральной критики, В. В. Рза-

нов. Он писал позадолго до Октябрьской революции: «Весь Гоголь, весь, кроме «Тараса» и вообще малороссийских вещей, есть пошлость в смысле постижения, в смысле содержания. И — гений по форме, но тому, «как» сказано и рассказано». «Я не решусь удержаться выговорить последнее слово: идиот». Гоголь представлялся Розанову дьяволом. «Фу, дьявол, — открешивался Розанов от Гоголя. — Фу, какой ты дьявол! Ничего, нигилизм! Сгинь, нечистый!»

И заключал свой истерический выклик: «Никогда более страшного человека... подобия человеческого... не приходило в нашу землю». («Опавшие листья»).

Это не просто выходка потрошного философа. Те же темы о Гоголе и о чорте разрабатывал официальный философ либеральной литературы — Мерелжковский. Это символически-мистическое истолкование Гоголя, борьба с ним во имя «положительных идеалов» буржуазии пустила довольно глубокие корни в дореволюционной общественности. Она проникла на сцену и выразилась в попытках перекрасить реализм Гоголя в цвета дешевой символики.

За литературной борьбой развертывалась борьба классов. В стремлении парализовать, уничтожить, разбить разоблачающую критику пролетариата буржуазия отрекалась от всякой «отрицательной» критики, убежала от обличительной действительности под сенью романтических и мистических вымыслов, искала утешения в религии.

В литературном наследстве, полученном пролетариатом от прежнего общественного строя, Гоголь представляет крупнейшую художественную ценность. Он и в наше время остается любимым писателем. Никогда не расходился его произведения так широко, такими тиражами, как в наше время. В девяти изданиях выходило полное собрание сочинений за советские годы, в восьми отдельных изданиях — «Мертвые души», в девяти отдельных изданиях — «Ревизор»... Это далеко не полный список.

Не подлежит сомнению, что Гоголь остается учителем советской художественной литературы. Социалистический реализм преемственно связан с реализмом той эпохи переходной буржуазной литературы, когда эта литература еще способна была на смелое разоблачение порядков, нравов, быта капитализма, когда эта литература еще могла говорить правду, хотя бы и в своей исторической форме.

Нисколько не поблек, не потерял своей выразительности за сто лет могучий гоголевский смех. Он не жалится пролетариату «дьявольским наводнением». Напротив, это — родственный борьбу пролетариата смех. Комедия остается необходимой формой сатирической пролетарской литературы, потому что комедия есть последний фазис всемирно-исторической формы — буржуазного общества. Мы видим Собакевичей у власти в капиталистических государствах. Мы видим Чичиковых в роли буржуазных дипломатов. Мы видим Поздравых на постах «свождей» фашизма. Среди тех чувств, которые внушают нам эти люди, есть и чувство комизма. Чем величественнее они выступают, тем они смешнее.

Весь буржуазный мир в последнем фазисе своего существования есть царство мертвых душ. Мы нисколько не скрываем: мертвые души обитают не только за советским рубежом. Их еще очень много среди нас, потому что «приобретение» в гоголевском смысле еще существует и в советской стране. Когда мы говорим о задаче борьбы с остатками и пережитками капитализма в экономике и сознании, мы говорим о борьбе с нашими Чичиковыми и Хлестаковыми, с нашими полковниками Копкаревыми, любителями бюрократического строительства бирюлек — компосий.

Смех Гоголя поэтому нужен нам. Он не теряет своей уничтожающей силы, пока люди с мертвыми душами еще властвуют над живыми людьми, пока еще есть в общественных отношениях и в стране к личной наживе, и обман и поленкая лесть, и чванство и трусость, и мелкое самолюбие. Реализм не внушает вам никаких опасений, потому что классовая правда борьбы за социализм дает полную возможность наряду с отрицательными типами создавать в литературе и положительные. Их не спешит выдумывать вопреки реализму. Романтика наших дней творится самой жизнью. — Она глубоко реалистична. Рабочий класс создает героев во всех областях борьбы и работы. Нам пафос звучит так же просто как в наш смех.

Один из наиболее выразительных черт Гоголя в художественной литературе Некрасов мечтал о том времени, когда крестьяне понесут с базара Гоголя. Это была совершенно утопическая мечта при капитализме. Гоголь был недоступен дореволюционной деревне. Но Гоголь уже идет широко в колхозную, советскую деревню, в советскую деревенскую школу. — Он шел бы еще более широко, если бы Отис поспевал за все растущим спросом.